

швейцарско-немецкой литературы Г. Келлером и наиболее значительным его произведением — автобиографическим романом «Зеленый Генрих», вышедшим в двух редакциях. Контекстом к анализу рецепции романа в России выступил обзор русских переводов произведений Г. Келлера, выпущенных в России в XX веке.

Доклад К. С. Корконосенко (Санкт-Петербург) «Хосе Ортега-и-Гассет и Пио Бароха: спор о романе, диалог о Достоевском» был посвящен сопоставлению двух принципиально различных видений творчества русского классика, принадлежащих двум испанским авторам. В 1925 году философ Ортега-и-Гассет и романист Пио Бароха опубликовали программные статьи о природе романа как жанра и о значении романной техники, таким образом придав публичный характер своему дружескому «спору о романе» (глава «Достоевский и Пруст» из знаменитых «Мыслей о романе» Ортеги и пролог к роману Барохи «Корабль дураков»). Одной из интеллектуальных «площадок», на которых развернулся этот спор, явились произведения Достоевского.

В докладе И. В. Аршиновой (Санкт-Петербург) «Романы на русскую тему в рецензиях Англо-русского литературного общества» были проанализированы рецензии Англо-русского литературного общества, посвященные англоязычным романам на русскую тему рубежа XIX–XX веков. Этот анализ позволил про-

следить эволюцию взглядов Общества на подобного рода тексты — от практически полного игнорирования и теоретически обосновываемого неприятия до прагматического интереса и сдержанного одобрения.

В докладе О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург) «Литература русской эмиграции: философия творчества в поликультурном пространстве» на материале литературы и литературного быта русской эмиграции первой волны были рассмотрены стратегии и механизмы, которые в разные периоды времени использовались как в процессе взаимодействия литератур различных ветвей диаспоры друг с другом, так и при непосредственном и/или опосредованном взаимодействии каждой из них с литературами стран пребывания. Эмиграция кардинально меняла принцип культурного взаимодействия, поскольку пребывание внутри иного культурного сообщества значительно расширяло возможности выбора и векторов творческого формирования, позволяя ориентироваться не только на единые для диаспоры аксиологические и эстетические установки, но и на собственные творческие предпочтения.

Во время конференции была проведена выставка к 100-летию Ю. Д. Левина, подготовленная П. В. Бекединым (Санкт-Петербург).

© А. В. Волков,

© Тянь Вэньцзюань (КНР)

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-292-294

ЧЕТВЕРТЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. А. АБРАМОВА»

Четвертый научный семинар «Русская литература в советскую эпоху: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова» состоялся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 5 марта 2020 года. Семинар проходил в рамках юбилейных мероприятий, посвященных памяти Федора Абрамова, писателя традиционалистской школы, зачинателя «деревенской прозы». Говоря о мировом значении его литературного наследия, Н. А. Prozорова обозначила основные направления в изучении творчества писателя. Она отметила онтологический интерес гуманитариев к герою абрамовской прозы — человеку как частице бытия и природы, подчеркнула важность осмысления христианских образов, сюжетов и мотивов древнерусской литературы, проявившихся в произведениях «ленинградского деревенщика». Среди современных разысканий ведущая выделила работы по архетипике, мифопоэтике и литературному фольклоризму наследия Аб-

рамова, а также сказала, что творчество писателя изучается как северный текст. Помимо актуальной поэтики Prozорова обратила внимание на важность биографических штудий и написания творческой биографии Абрамова с опорой на неизвестные историко-культурные архивные источники.

На заседании присутствовала племянница писателя Г. М. Абрамова, которую участники семинара и гости приветствовали аплодисментами.

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Фольклорные записи Ф. Абрамова 1939 года и творческая лаборатория писателя (по материалам Пушкинского Дома)». Сообщение базировалось на фольклорных записях, сделанных Абрамовым в 1939 году и хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ. Докладчица обозначила состав Пинежской коллекции (всего более 300 произведений, среди которых былина, исторические, рекрутские

и солдатские, лирические и свадебные, плясовые и игровые песни, частушки, заговоры, похоронные и свадебные причитания) и отметила профессиональный подход молодого собирателя к материалу: широкий охват местного репертуара, полноту передачи традиции, художественную ценность записанных текстов и вариантов. В центре сообщения было аналитическое прочтение ранних редакций романа «Две зимы и три лета», включающих описание похорон Трофима Лобанова, изъятые в свое время по цензурным соображениям. Якубовская обратила внимание слушателей на то, что в причет Александры (дочери Трофима) Абрамов ввел ключевые «уставные» строки, записанные им в 1939 году от односельчанки Е. А. Постниковой, и показала, как причитание по отцу разрастается в крупную драматическую сцену, где писатель воссоздает плач, вполне традиционный по лексике, композиции и типологически точным образам. Вдохновенный текст был опубликован вдовой писателя Л. В. Крутиковой. Выступление Якубовской сопровождалось исполнением причитаний и вызвало живой интерес в зале.

Доклад «Трансформация „георгиевского комплекса“ в тетралогии Ф. Абрамова „Братья и сестры“» Н. В. Ковтун (Красноярск) был построен на осмыслении литературного архетипа «двойничества» и его реализации в центральном произведении писателя. Было обращено внимание на ключевые образы тетралогии — Михаила Пряслина и Егорши Ставрова-Суханова, воплощающие в первых романах «близнечную пару», а затем реализующие эсхатологическую русскую модель двойников-антагонистов. По мнению докладчицы, художественно переработанный в тетралогии сюжет о Егории Храбром, усвоенный писателем вместе с севернорусской крестьянской культурой и народным православием, предлагает еще один вариант двойничества: Георгий Победоносец и Егорий-бедоносец («худой Егорка»). Его рассмотрение было дано в широком семантическом поле, с анализом сложного комплекса национальных мотивов и образов, закрепленных в исторической памяти народа.

О. Д. Трушин (Москва) выступил с сообщением «„И где гарантия, что с нами ничего не случится?“»: завещание Ф. Абрамова, написанное в разгар травли А. Солженицына». Докладчик обратился к эпизоду биографии Абрамова 1972 года, когда писатель предложил к публикации в «Новый мир» роман «Пути-перепутья», получил отказ, и лишь при содействии Н. П. Демичева третья книга тетралогии была опубликована в журнале. В 1973 году началась газетная кампания против А. И. Солженицына и академика А. Д. Сахарова, обвинявшихся в клевете на государственный и общественный строй. После публикации коллективного письма членов Академии наук, осуждавших поведение Сахарова, 31 августа 1973 года «Правда» напечатала аналогичное по содержанию письмо советских писателей; фамилии Абрамова среди подписавших не было. Гражданская по-

зиция писателя имела резонанс: печать его произведений была остановлена, в адрес Абрамова стали поступать угрозы. В сложившейся обстановке, опасаясь за свою жизнь, 15 октября 1973 года писатель составил завещание, сделав распоряжения на случай внезапной гибели. Трушин познакомил участников семинара с текстом завещания и отметил, что возникшее напряжение помог снять Демичев, встретившийся с Абрамовым 1 ноября 1973 года.

В докладе «„Его устами говорила правда“: нравственно-этические уроки Ф. А. Абрамова» В. П. Муромский (Санкт-Петербург) задался целью определить место писателя среди современников и единомышленников. Исследователь затронул вопрос о понимании Абрамовым своей миссии (писать правду), проанализировал его публицистику (статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» и «Чем живем-кормимся?»), народные характеры тетралогии и отметил феномен автора, в котором крестьянские «корни» органически соединились с рефлексией, свойственной русскому интеллигенту.

Сообщение Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Репутация М. Зенкевича в 1930-е годы: проблема литературного самоопределения» было посвящено творческой стратегии поэта-акмеиста М. А. Зенкевича в советское время. Поэт-экспериментатор, автор поэтического сборника «Дикая порфира» (1912) заново вписывал себя в пореволюционный литературный процесс. Общественно-политическая жизнь конца 1920-х — 1930-х годов предъявляла к уже сформировавшемуся имиджу писателя советской республики новые требования, в угоду которым стремление бывшего акмеиста *быть* оригинальным сменилось желанием *казаться* типичным советским писателем. По мнению докладчицы, сложность положения Зенкевича заключалась в том, что собственное литературное творчество он разделил надвое. С одной стороны, поэт был вынужден участвовать в процессе выполнения «соказака»: создавать образы «обновленной, преобразованной жизни», вспоминать о героях «народной вольницы», предшествовавшей революции 1917 года, участвовать в сочинении «новой календарной поэзии» и т. д. С другой стороны, созданная в 1930-е годы лирика «для себя», которая в совокупности образовала оригинальный, но при этом скрытый от читателей мир, не соответствовала идеологическим и эстетическим установкам эпохи. Игошева отметила, что одна из причин «раздвоения» поэта заключалась в том, что Зенкевич никогда не брал на себя полномочий «водителя», «воспитателя», «учителя» и не причислял себя к «инженерам человеческих душ». Роль «поэта-трибуна», «поэта-оратора», смоделированная Маяковским, была также неприемлема для Зенкевича, считавшего поэзию частным делом. Эпоха навязывала писателю публичный и социально активный образ действия, который не совпадал с представлениями автора «Дикой порфиры» о роли поэта и поэзии. Цитируя произведения

1930-х годов, исследовательница показала, как в этой «вилке» («быть» поэтом и «казаться» советским писателем) реализовывались творческие интенции Зенкевича.

В докладе «Ольга Берггольц и Юрий Герман: групповой портрет на фоне „железного Феликса“» Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) рассказала о непростых («гамсуновских») взаимоотношениях двух современников. С опорой на мемуарные источники она показала, как на фоне историко-культурных и политических событий писатели переходили от взаимного «притяжения» к «отталкиванию». Внимание было уделено актуальной для литературы советского периода теме «железного Феликса» и созданию апологетического образа чекиста сначала В. Маяковским и Э. Багрицким, а затем Ю. Германом, выполнившим социальный заказ сполна. Прозорова проанализировала резко отрицательное отношение Берггольц к книге Германа «Рассказы о первом чекисте» (1940), в которой автор опустил до подобострастной риторики сталинской прессы. Иной отклик получила у поэтессы пьеса Германа «За тюремной стеной» (1956). Заявленная в ней тема тюремных беззаконий была актуальна для общества, выходящего из эпохи репрессий. Берггольц усмотрела в тексте не иллюстрацию к жизнеописанию Дзержинского (драматический конфликт был взят из ранней биографии чекиста), а «современную» правду — собственный тюремный опыт 1938–1939 годов. Опираясь на записи Берггольц ко второй, ненаписанной части «Дневных звезд», в которой поэтесса собиралась «неразрывно спать тюрьму с блокадой», Прозорова объяснила, почему не столько образ Дзержинского, который, впрочем, показался поэтессе «великолепным», сколько сама тема пьесы «рванула за душу» блокадную музу.

Е. В. Воскобоева (Санкт-Петербург) в сообщении «Из неопубликованного наследия Е. Л. Шварца: пьеса „Волшебные очки“ (1945)» рассказала о том, что в государственных архивах и личных собраниях хранится немало разножанровых произведений драматурга, и поделилась своей находкой. Обнаруженная в РГАЛИ пьеса «Волшебные очки» была написана Шварцем для детского театра и представлена к цензурному рассмотрению в феврале 1945 года, но поставлена не была. В начале 1945 года семья Шварцев вернулась из эвакуации вместе с Н. П. Акимовым и Театром комедии в Ленинград. Перед этим Шварцы остановились в Москве, где, как предполагает докладчица, и была создана пьеса (на это указывают пометы в тексте и упоминание о 14-й школе Бауманского (ныне — Басманного) района). Одноактная пьеса «Волшебные очки» имеет несложный сюжет (волшебник растит непослушную дочь Марусю с помощью очков, через которые видит правду), воспитательную направленность и функционально может быть соотнесена со «Сказкой о потерянном времени» (1940) и «Двумя братьями» (1943). Докладчица видит перспективу изучения новонайденной пьесы в контексте наследия, созданного драматургом в эвакуации.

На заседании выступили В. П. Бударягин и Н. В. Поньрко и поделились своими воспоминаниями об Абрамове. Участники семинара и гости ознакомились с юбилейной выставкой «„Увеличить добро на земле“: к 100-летию со дня рождения Ф. А. Абрамова», развернутой в Пушкинском Доме на базе рукописных и изобразительных материалов из архива Ф. А. Абрамова, хранящегося в Рукописном отделе, и экспонатов Литературного музея ИРЛИ РАН.

© Н. А. Прозорова